

Бембя Викторovich ХУЛХАЧИЕВ

Я ПРИВЫК ОТВЕЧАТЬ ЗА ТУ РАБОТУ, ЧТО ВЫПОЛНЯЮ

В начале 1997 года мой бывший коллега по Государственной думе Константин Зуев предложил пойти поработать в Федеральную комиссию по рынку ценных бумаг (ФКЦБ). Чтобы ввести меня в курс дела, он дал мне почитать Закон «О рынке ценных бумаг». Недели мне хватило, чтобы понять, что это не моё дело. Слова «брокер», «депозитарий» не были мне близкими. Мне, бывшему следователю прокуратуры, судье, наконец, депутату, члену комитета по законодательству и судебноп-правовой реформе более знакомо было слово «киллер», чем «дилер».

Я привык отвечать за ту работу, что выполняю, поэтому я отказался от приглашения. Однако здание на Ленинском проспекте посетил и увидел молодых и энергичных ребят — Ивана Тырышкина, Александра Гордона... У них горели глаза, было куча идей и это, видимо, в какой-то степени повлияло на изменение моей позиции. Я дал согласие и поехал на собеседование с руководством.

В июле 1997 года в Москве была сильная жара, я сидел в приёмной председателя ФКЦБ и наблюдал, как вокруг спуют сотрудники комиссии. Ждать пришлось часа два,

1984–1994 — следователь прокуратуры, судья, затем председатель Городского народного суда Элисты;

1993–1995 — депутат Государственной думы;

С июля 1997 — май 2002 — начальник юридического управления Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг (ФКЦБ). С августа 1998 года — секретарь ФКЦБ;

2002–2004 — председатель Консультационного совета Некоммерческого партнёрства «Фондовая биржа РТС»;

июнь 2004 — сентябрь 2011 — заместитель руководителя Федеральной службы по финансовым рынкам;

2011–2012 — председатель совета директоров Инвестиционной группы «УНИВЕР»;

2012 — по настоящее время — Евразийская экономическая комиссия

я периодически выходил курить. Моя неславянская внешность привлекла внимание другого курильщика. Он стал меня расспрашивать, я отвечал. На вопрос, приходилось ли сталкиваться с фондовым рынком, рассказал, как будучи судьёй сажал мошенников. Когда собеседник пошёл в кабинет председателя, я, воспользовавшись знакомством, попросил быстрее освободить начальника, чтобы мне, наконец, попасть на собеседование.

Моим новым знакомым оказался Альберт Сокин. С ним и с председателем ФКЦБ Дмитрием Васильевым мне вскоре и пришлось разговаривать. Собеседование длилось недолго и прошло непринуждённо. Мне сказали, что я подхожу.

Так я стал начальником юридического управления ФКЦБ, которое тогда состояло из пяти человек. Но Васильев установил такой порядок, что ни одна бумага не могла выйти за пределы комиссии без визы юристов. Хотя это вызывало сопротивление моих коллег (в частности, уже упоминаемых Тырышкина и Гордона). Думаю, что это решение было принято с подачи Сокина.

В то время нормативные акты комиссии принимались без утверждения в Минюсте. Зато необходимо было их обязательное утверждение Экспертным советом при ФКЦБ. Его члены могли объявить мораторий на выход документа на срок до 6 месяцев. Уникальность ситуации заставляла заботиться о юридической безопасности комитета. Поэтому мне приходилось погружаться во все нюансы дела.

Все члены Экспертного совета тогда приходили на заседания. И мы, зампреды, начальники управлений и отделов ФКЦБ, принимали в них участие и доказывали необходимость проекта нормативного акта. Уникальность состояло в том, что в российском законодательстве они зачастую отсутствовали. Поэтому заседание экспертного совета, состоящего в основном из профессионального сообщества, проходили весьма бурно. Причём, во всех заседаниях ЭС обязательно принимал участие и Дмитрий Васильев. Помню, как часто выступал Дмитрий Бедняков, очень грамотный юрист из Нижнего Новгорода, Рубен Варданян из «Тройка-Диалог». Таким образом, находились оптимальные решения, в дальнейшем влиявшие на бизнес.

Важным было то, что председатель был первым среди равных членов комиссии. Причём, если кто-то был не согласен с решением, это обязательно отражалось в протоколе.

Хорошим подспорьем являлись отношения с USAID (американское Агентство по международному развитию). По их линии мы имели возможность ездить и перенимать опыт США, в частности, в Комиссию по цен-

ным бумагам и на Нью-Йоркскую биржу, фондовую биржу NASDAQ. Мы создавали инфраструктуру рынка в России, но, как она работает, знали по книгам.

В августе 1998 года Дмитрий Валерьевич вдруг мне сказал, что надо ехать на Старую площадь для разговора с Русланом Ореховым. Меня решили назначить секретарём ФКЦБ в ранге заместителя председателя. Очень ответственная должность, так как, протоколы комиссии, на которой принимались решения, стояли подписи только председателя и секретаря ФКЦБ.

Это была первая встреча с Ореховым. Она была недлинная, Руслан доверял выбору Дмитрия.

Благодаря этому в дальнейшем я познакомился с работающими в его команде юристами, большими профессионалами — Гарри Минхом и Ларисой Брычёвой.

Дмитрий Васильев активно поддерживал права инвесторов и акционеров, сам выступал в Государственной думе и Совете Федерации при принятии Закона «О защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг». В нём было заложено право вынесения наказания не судами, а комиссией. Мы вместе с Игорем Редькиным — юридическим советником ФКЦБ — помогали продвигать законопроект. Вообще в комиссии была сильная группа экспертов. Во-первых, Альберт Сокин, действительно внёсший громадный вклад в нормотворчество по рынку ценных бумаг, а также Татьяна Медведева, Александр Синенко, Дмитрий Зайцев, Виктория Волкова и другие.

Часто приходилось писать документы «с чистого листа». При этом во многих случаях за основу брали существующую модель, чаще всего действующую в США, и адаптировали её под российские реалии. После чего устраивали детальное обсуждение между собой и с участниками рынка.

За работу с регионами в комиссии отвечал Валентин Завадников, и, когда мы приезжали туда и встречались с первыми лицами области или республики, те, до конца не понимая специфику нашей работы, всё равно оказывали нам необходимую помощь и содействие.

Помню, что первое время все хотели обзавестись собственной биржей, это было престижно. И не важно, будет она работать или нет. Мы с таким поветрием боролись как могли. Порою приезжаешь в какой-то город, тебе показывают так называемую биржу: зал, компьютеры... А кто и как там должен работать, руководству не ясно. А ведь это самое главное!

Много приходилось заниматься и обманутыми вкладчиками, они постоянно осаждали комиссию, обещая перекрыть движение на Ленинском

Бембя Викторovich ХУЛХАЧИЕВ

проспекте. И наша задача состояла в том, чтобы смягчить социальную напряжённость. Самое сложное было в подборе людей, способных эффективно заниматься этим делом и составлять реестры обманутых вкладчиков.

Вокруг этого было много драматических событий. Однажды мне позвонил Игорь Бажан и попросил зайти к нему. В его приёмной сидел вооружённый милиционер с постановлением какого-то районного следователя. Он хотел попасть к Васильеву, допросить его и изъять какие-то документы. Мне пришлось разъяснить гостю, что вообще-то он пришёл к федеральному министру и доказать невозможность этого допроса.

Действительно, чудные вещи происходили тогда. Помню, однажды решением суда какого-то якутского района пытались остановить нефтяной экспорт одной крупной российской компании. Ответчик об иске вообще не знал. А постановление суда тем не менее вступило в законную силу.

В другой раз компания Клауф купила завод в Краснодарском крае. Но губернатор Краснодарского края заявил: «Не бывать немецкому сапогу на кубанской земле!» — и не пустил новых хозяев на предприятие. Конфликт вышел на международный уровень. Канцлер ФРГ Коль на встрече с Ельциным пожаловался ему на нарушения. Заявил, что «неуважение

Команда ФКЦБ

к немецкой компании он воспринимает как неуважение к самой стране». В Краснодар выехала бригада наших экспертов, чтобы дать возможность немецким акционерам попасть на территорию завода.

И таких случаев было немало.

Большая работа проводилась с участниками рынка. Был налажен эффективный отбор кандидатов в Экспертный совет ФКЦБ. Ежегодно проводились собрания и конференции профучастников. Там страсти кипели, но мы никогда в выяснение этих отношений не вмешивались. Мы всегда вели с ними диалог, даже когда нам не нравилась их активность. К сожалению, после ухода Васильева такие встречи стали терять своё значение.

Тогда же был наведён порядок в документах комиссии, так что ни одна из проверок, приходивших к нам, серьёзных нарушений не обнаружила.

Следует признать, что порой приходилось искать нарушения в действиях той или иной организации целенаправленно. Благо, что наше неотработанное законодательство всегда давало такую возможность. Была поставлена задача, надо было её выполнять, но юридически безупречно.

Фото Сергея Авдеевского

Андрей Козлов

С сотрудниками Центрального банка взаимоотношений практически не было. Но однажды меня вызвал Васильев и сказал, что я должен лететь в Женеву в составе делегации для обсуждения вопросов, связанных с рынком ценных бумаг в рамках присоединения России к ВТО. Возглавлял делегацию Андрей Козлов.

Признаюсь, что перед этим мне приходилось принимать участие в подготовке актов, направленных против Банка России, а тут такая встреча с Андреем! Перед поездкой был инструктаж в Белом доме. Нам сказали: «Мы знаем сложные отношения между вашими ведомствами, но нас это не волнует. Должна быть консолидированная позиция!»

На одном из заседаний мне задали вопрос, на который я не был уполномочен отвечать. Мы попросили сделать перерыв, и Козлов, дав мне свой сотовый телефон, предложил позвонить в Москву. Васильев разъяснил мне позицию ФКЦБ по данному вопросу. Так я приобщился к современным достижениям техники и решил проблему.

Добиваясь общей позиции, мы много с Андреем Андреевичем разговаривали, и такое общение позволило мне установить с ним тёплые личные отношения.

У Козлова было много встреч с официальными лицами Швейцарии, с российским послом в этой стране. И всегда на эти встречи он брал с собой членов нашей делегации. Однажды он спросил меня, видел ли я Юнгфрау — одну из самых известных горных вершин Швейцарии. И повёз меня знакомиться с одним из его любимых мест. Мы тогда сильно сдружились. Но, приехав в Москву, вынуждены были играть прежние роли — не разговаривали на переговорах, держались, как противники. Тем не менее Дмитрий Васильев учитывал наши отношения и периодически поручал мне позвонить Козлову по тому или иному поводу.

Думаю, что в нагнетании отношений двух незаурядных людей не последнюю роль сыграли и журналисты. Дмитрий любил с ними общаться. На пресс-конференциях после официальных сообщений о последних решениях ФКЦБ начинался раунд общения, ради которого представители СМИ и приходили. Дмитрию начинали задавать провокационные вопросы, и часто «Остапа несло!» Он редко стеснялся в выражениях, давая благодатную пищу для негативных публикаций. А фотографии только успевали щёлкать затворами, причём они любили снимать нашего председателя снизу. Когда же оказывалось, что брифинг будет вести не Васильев, журналистская братия, ожидавшая жареного, голосовала ногами, и зал мог опустеть ещё до начала мероприятия.

Так же было и на встречах с Андреем Андреевичем.

Мы встречались с Андреем и после его ухода из Центрального банка. Как-то он мне признался: «Как же обидно! Когда я был начальником, столько людей стремились выразить мне свои дружеские отношения. Теперь же делают вид, что не знают меня». Ему в тот период было очень тяжело.

Возвращаясь к деятельности ФКЦБ периода Васильева, можно сказать это был период романтизма для развития российского фондового рынка. Причём эту оценку по прошествии времени дали сами участники рынка. Решать сложные в тот период времени проблемы удалось с помощью команды, которую создал Дмитрий Васильев. Его первый заместитель Игорь Бажан отличался феноменальной работоспособностью и памятью. Игорь Иванович помнил наизусть указы президента и постановления правительства, относящиеся к нашей деятельности. Александр Колесников отвечал за громадный блок: эмитенты, профучастники, биржи, Константин Зуев — за всю законопроектную деятельность, Валентин Завадников — за региональную сеть, Дмитрий Хилев — за коллективные инвестиции. Но на заседаниях

Дмитрий Хилев, Дмитрий Васильев и Бембя Хулхчиев

комиссии каждый имел своё мнение без принуждения председателя. Жалко, что этот принцип коллегиальности ведомства в дальнейшем был ликвидирован.

Когда председателем в ФКЦБ стал Игорь Костиков, я остался практически единственным из команды Васильева. Новым руководителям я честно сказал: «С Васильевым, Бажаном, Колесниковым мы друзья, с вами будем коллегами. Но ставя свою подпись под документами, я принимаю ответственность, причём не только за себя, но и за председателя». Возможно, и это сыграло свою роль в том, что у нас сложились хорошие рабочие отношения с новыми коллегами.

Игорь Владимирович отличался упорством, практически всё задуманное он реализовывал, например, Кодекс корпоративного поведения. Правильная идея, однако... Помню было решено, что если у компании, выпускающей ценные бумаги для публичного размещения, не было своего внутреннего кодекса либо эмитент не соблюдал нормы типового кодекса, то биржа имела право эту бумагу из листинга исключить. Такая проблема возникла у одной из крупных нефтяных компаний. Мы вызвали их представителей, поговорили, а ребята не понимают, зачем им нужны эти бумаги, нефть-то качается! Но Костиков придавал особое значение принятию кодекса, подняв этот вопрос на уровень правительства, а люди не были готовы к этому.

Начал меняться стиль работы комиссии. Урезались функции экспертного совета. Костиков увеличил число членов ФКЦБ с 6 до 11. До этого мы все себя считали «комиссионерами». А с учётом новых должностей «член ФКЦБ» кто-то из коллег отпустил остроу: «У нас появились более членистые члены». Мы стали монстром, ведь даже в МВД не было столько замов.

Были испорчены отношения с СРО — НАУФОР, которую возглавлял Алексей Саватюгин, и он никак не мог согласиться с тем, что у неё отнимают лицензию. После отзыва лицензии у НАУФОР Алексей не мог с этим согласиться. Он был остёр на язык и за словом в карман не лез. Но страдали в этом конфликте участники СРО.

Конфликт заключался и в том, что в Законе «О рынке ценных бумаг» было обязательно членство профучастников в СРО. При Костикове это было отменено.

Я же считал, что требование это правильно, — никаких людских ресурсов комиссии не хватило бы для надзора за участниками рынка. В то время профучастников было в разы больше, чем сейчас. СРО несла коллективную ответственность за каждого своего члена. Правда,

не финансовую, хотя мы считали, что некий компенсационный фонд они должны создавать. Проверки профучастников регулятор проводил совместно со СРО.

Но со временем обнаружились и негативные стороны этой системы. Многие процессы становились формальными.

Хотя я до сих пор считаю, что часть регулятивных функций должна передаваться СРО. В частности, сбор отчётности. Кипы бумажных отчётов лежали у нас в ФКЦБ (в том числе, вдоль стен коридоров!), и их никто не читал. А ведь эта информация, в первую очередь, интересна и участникам рынка, и региональным отделениям комиссии.

Неправильной, мне кажется, была идея введения института финансовых консультантов на рынке ценных бумаг. Заключалась она в том, что эмитент не мог зарегистрировать эмиссию своих бумаг или внести в неё изменения, если проспект эмиссии не был подготовлен или завизирован таким консультантом.

На тот момент в России было около 200 тыс. акционерных обществ (большинство из них — закрытые). Среди них были эмитенты федеральной группы — их было чуть больше 100. Это важнейшие отрасли экономики — нефтянка, энергетика и т. п. Остальные регулировались нашими региональными отделениями. Когда появились финансовые консультанты, эмитенты были поставлены в тяжелейшие условия, ведь им следовало в том числе платить деньги новым участникам рынка.

Сложности у нас периодически возникали и с МВД. В нашем предмете они не до конца компетентны. Мы даже предлагали организовать для них специальные курсы повышения квалификации.

Так однажды следственная группа ворвалась в Центральный московский депозитарий (ЦМД), конфисковали все серверы, хотя их интересовали только бумаги РАО «ЕЭС». Тем самым практически парализовали всю работу компании. Благо, каждый регистратор имеет дубликат информации. И вскоре секретные данные стали всплывать, в частности, на Митинском рынке. Хотя, теоретически все базы данных должны быть защищены так же, как и банковская тайна. Естественно, зарубежные инвесторы взвыли!

Тогда мы организовали совещание с судебными приставами, оперативниками, доказывая, что у нас бездокументарная форма учёта и традиционные для них способы изъятия документов не действуют. А реестр акционеров — это просто запись в компьютерной памяти. Мы предлагали правоохранителям привлекать в качестве экспертов

наших специалистов для получения необходимой информации по конкретному делу.

Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг (ФКЦБ) намерена подписать соглашения о взаимодействии с Министерством внутренних дел (МВД), Министерством по налогам и сборам (МНС), Министерством по антимонопольной политике (МАП) и Центральным банком России (ЦБР).

Об этом сообщил секретарь ФКЦБ Бембя Хулхачиев, выступая на IV Всероссийской конференции профучастников рынка ценных бумаг.

Он напомнил, что к настоящему времени подобные соглашения ФКЦБ России подписала с Федеральной службой по оздоровлению и банкротству (ФСФО), Федеральной службой налоговой полиции (ФСНП), Службой судебных приставов, передаёт РИА «Новости».

ФКЦБ намерена подписать соглашения о взаимодействии с МВД, МНС, МАП и ЦБР // Strana.ru. 21.11.2000.

Сложным был вопрос об ограничении долей иностранных инвесторов в уставных капиталах стратегических компаний. Было принято решение, что их доля не должна превышать 25 %, тогда как, например, в РАО «ЕЭС» с учётом депозитарных расписок она была около 33 %. Любое решение вызывало крупный скандал.

Много времени занимали рассмотрение дел об административных правонарушениях эмитентов, профучастников и иных участников рынка. Должен отметить, что не одно решение комиссии и её региональных отделений в этой части не были отменены судами. Это свидетельствует о качественном собирании доказательств вины и правомерности принятых решений.

Постановление ФКЦБ № 3, согласно которому эмитенты могут быть наказаны рублём за несвоевременное или неполное раскрытие информации, вышло 7 июня 1999 года и в августе того же года вступило в законную силу, 2 ноября кара обрушилась на две первые жертвы: Завод имени И.А. Лихачёва и «Внуковские авиалинии». До конца года комиссия подвергла 15 других предприятий аналогичному наказанию на общую сумму 425 тыс. рублей. Ещё 960 тыс. рублей штрафа распределили между 29 фирмами региональные отделения ФКЦБ.

Завод им. Лихачёва штраф дисциплинированно заплатил, а «Внучка» решила побороться за свои деньги в суде. <...> Председатель админи-

стративной комиссии ФКЦБ, того подразделения, которое, собственно, и штрафует, Бембя Хулхачиев в одном из недавних интервью не исключил, что в будущем ему придётся часто сталкиваться с апелляциями. Но арбитражный суд в первом решении по такому делу встал на сторону федерального органа.

Кукушкин Михаил. «Внучка» наказана // Время МН. 28.01.2000.

Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг (ФКЦБ) года выявила нарушения Закона «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», в результате чего предприятия-нарушители уплатили штрафы на сумму 267,2 тыс. рублей. <...>

Секретарь ФКЦБ Бембя Хулхачиев сообщил, что к концу ноября проверено 500 предприятий. Из них 300 являются нарушителями закона, а 10 предприятий, в том числе ОАО «Сызранский нефтеперерабатывающий завод», ОАО «Роснефть Находка нефтепродукт», ОАО «Нижегороднефтеоргсинтез», уплатили штрафы.

Штрафы пополнили казну федерального бюджета // Федеральное агентство новостей. 15.12.1999.

Не могу не вспомнить работу ФКЦБ по созданию общего рынка ценных бумаг союза Беларуси и России.

В декабре 1998 года Исполнительный комитет Союза Беларуси и России во исполнение Программы синхронизации и единой направленности экономических реформ в РБ и РФ и Среднесрочной программы мероприятий по развитию Союза Беларуси и России утвердил план совместных мероприятий по созданию общего рынка ценных бумаг Союза Беларуси и России. Была создана совместная координационная комиссия при исполкоме. Со стороны Беларуси сопредседателем комиссии стал председатель Государственного комитета по ценным бумагам РБ Валентин Шухно, с российской — я.

Совещания в Москве проходили на Старой площади, вёл их государственный секретарь Союзного государства П. П. Бородин. Мы стали устанавливать взаимные связи, возить в Беларусь наших бизнесменов, принимать у себя белорусских.

Однажды я рассказывал о гармонизации корпоративного права, регистрации эмиссий. Мне было предоставлено 7 минут, но уже на третьей Пал Палыч меня остановил и спросил: «А ты можешь всё это на русский язык

перевести?» Я ответил, что попытаюсь. Но все наши с Шухно усилия не привели к успеху. Видя наши мучения, Бородин обратился ко всем: «Ну что, мужики, сделаете всё как надо?» Мы, естественно, подтвердили надежды большого начальника. На этом совещание закончилось, ведомство смогло отчитаться о проделанной работе. После этого следовали неформальные мероприятия братских народов. Надо сказать, те встречи и знакомства помогают нашей работе и сегодня в рамках Союзного государства.

Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг (ФКЦБ) и Банк России недавно создали совместную рабочую группу по разработке условий соглашения о взаимодействии между этими ведомствами. Как сообщил секретарь ФКЦБ Бембя Хулхачиев, на заседаниях рабочей группы также будет обсуждаться деятельность Центробанка в качестве органа, лицензирующего кредитные организации в качестве участников рынка ценных бумаг. По его словам, в июне 2000 года истекает срок действия генеральной лицензии ЦБ РФ, которую ФКЦБ приостановила осенью 1998 г. ФКЦБ и ЦБ пытаются договориться // Ведомости. 27.04.2000.

Технология поимки инсайдеров станет заботой ФКЦБ. По мнению секретаря ФКЦБ Бембя Хулхачиева, вменяемые в обязанность комиссии инсайдерские расследования вполне могут проводиться силами уже существующего управления контроля ФКЦБ. «В нём работают опытные и квалифицированные сотрудники», — заверил «Фокус» секретарь комиссии. Плавное движение в сторону выработки механизма контроля уже началось. В конце апреля ФКЦБ приняла положение о системе контроля над рынком ценных бумаг. Его цель — выявление подозрительных сделок и борьба с манипулированием рынком. Об инсайдерской информации, правда, в документе говорится вскользь. Как признался «Фокусу» Хулхачиев, «пока отследить инсайдерские сделки достаточно сложно, так что принятие положения — это превентивная мера».

Секретарь ФКЦБ Бембя Хулхачиев, курирующий юридическую службу комиссии, уже подготовил ответ на претензии МАПа, в котором указывается, что ценные бумаги являются особым активом и срочные сделки с использованием этого актива подлежат отдельному регулированию (см. справку).

17 декабря. Истёк срок, отведённый предписанием Министерства по антимонопольной политике Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг на корректировку постановления о срочных сделках. ФКЦБ нашла изящный способ отказать МАПу. Несколько физлиц оспорили в суде предписание министерства. Комиссия ответила МАПу, что до решения суда выполнять предписание не собирается.

ФКЦБ ничего исправлять не стала, найдя изящный выход из положения. В установленный срок комиссия проинформировала МАП о прекращении работы по выполнению предписания, поскольку несколько физических и юридических лиц оспорили предписание МАП в суде. «Если предписание оспорено в суде, то его выполнение приостанавливается до разрешения судебного спора», — сказал секретарь ФКЦБ Бембя Хулхачиев. А 26 декабря Арбитражный суд Москвы отложил иск против МАП на 7 февраля из-за неявки на заседание истца. Одним из истцов и защитников ФКЦБ выступила ростовская инвестиционная компания «Полис-Инвест».

23 января 2002 года. Госдума во втором, основном чтении приняла поправки в Уголовный кодекс. Из них следовало, что руководители компаний, которые предоставляли заведомо неверную информацию при выпуске ценных бумаг, могут не только лишиться своих денег, но и сесть на три года в тюрьму. За всё время действия статьи 185 УК РФ — «злоупотребления при эмиссии ценных бумаг» — в прежней редакции до суда ни один случай правонарушения так и не был доведён. Теперь же по замыслу ФКЦБ осуждённые будут.

«Эти поправки носят по большей части превентивный характер. Одного-двух громких примеров будет вполне достаточно, для того чтобы отбить охоту заниматься подобными вещами. Кроме того, применяться эта норма будет только по отношению к тем должностным лицам, которые уже неоднократно попадались на нарушениях», — сказал «Газете» зампред ФКЦБ Бембя Хулхачиев.

В начале 2002 года я решил уйти из ФКЦБ. Костиков спросил, в чём дело, я честно сказал, что меня приглашает поработать на биржу РТС Иван Тырышкин. Хотелось посмотреть бизнес с другой стороны, да к тому же там были совсем не такие, как в комиссии, зарплаты.

19 мая Председатель Правительства РФ М. М. Касьянов распорядился освободить Бембя Хулхачиева по его просьбе от должности секретаря Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг. — *Прим. авт.-сост.*

Бембя Викторovich ХУЛХАЧИЕВ

---

17 октября 2002 года на V Всероссийской конференции участников рынка ценных бумаг я вошёл в Экспертный совет ФКЦБ от РТС.

В это время Игорь Владимирович устроил «войну» с биржей. Было заявлено о необходимости преобразования РТС из некоммерческого партнёрства в акционерное общество и уходе из биржи Ивана Тырышкина.

И одной из моих задач стало налаживание отношений между биржей и комиссией. Благо с Костиковым сохранились хорошие отношения и общими усилиями решение было найдено.

Не могу не вспомнить и ещё один случай в моей жизни.

В начале 2004 года, когда я работал в РТС, мне позвонил мой старый друг Виктор Плескачевский, работавший председателем Комитета по собственности в Государственной думе, и предложил подъехать к нему. Он мне поведал, что ФКЦБ скоро не будет, создаётся Федеральная служба по финансовым рынкам, и его могут назначить её руководителем. Я искренне поздравил Виктора Семёновича и получил предложение стать его замом. На это я отшутился: «Как старый бюрократ, пока бумажку о твоём назначении не увижу, пальцем не по-

Бембя Хулхачиев и Дмитрий Васильев

шевелю!» Но тем не менее я согласился выполнить просьбу будущего начальника: написать проект положения о ФСФР, постановление правительства и ещё какие-то документы. После этого мы с Игорем Редькиным, Александром Синенко и Павлом Хинкиным и за два дня на бирже подготовили эти документы. Виктору Семёновичу они очень понравились.

Виктор аппаратную борьбу проиграл, руководителем ФСФР был назначен Олег Вячеславович Вьюгин.

Он стал подбирать коллектив и одним из первых пригласил Влада Стрельцова, который после Ивана Тырышкина возглавлял биржу РТС. Чтобы разобраться с наследием ФКЦБ нужен был человек, знающий комиссию изнутри. Так я вновь оказался на Ленинском проспекте. Благо Олега Вьюгина я знал по его работе в Минфине.

13 мая руководитель Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) О. В. Вьюгин сообщил, что им внесены в правительство для утверждения в должности заместителей главы ФСФР кандидатуры С. К. Харламова и Б. В. Хулхачиева. — Прим. авт.-сост.

Команда ФКЦБ: Игорь Бажан, Дмитрий Хилов, Дмитрий Васильев, Бембя Хулхачиев, Александр Колесников

Бембя Викторovich ХУЛХАЧИЕВ

Алексей Саватюгин и Бембя Хулхачиев

29 мая 2004 года распоряжением председателя Правительства России М. Е. Фрадкова № 704-р я был назначен заместителем руководителя Федеральной службы по финансовым рынкам.

В первую очередь, было важно не потерять основных сотрудников комиссии, выведенных тогда за штат, чтобы даже на короткое время не остановить процессы регистрации эмиссий, регулирование работы профучастников и т. д.

ФСФР была уже министерством, в ней главенствовало единоначалие. Экспертного совета у неё не было. Заседала коллегия, но решения принимал руководитель и отвечал за них.

В сентябре 2011 года я покинул ФСФР.